

Revol

**Анархизм, марксизм
и классовая борьба**

2004

Оглавление

Прудон, Бакунин и Маркс	5
Марксизм-ленинизм и фальсификация Маркса	12
Другой марксизм	14
Будущее	16

Всякая попытка изучения анархизма в отрыве от классовой борьбы будет равносильна попытке изучить жизнь акулы без её челюстей. Классовая борьба — это важнейшая составляющая анархизма, и всякая попытка отделить их друг от друга будет не только отрицанием богатейшей истории и истоков анархизма, но также делает анархизм бессодержательным и бессмысленным, превращая его в радикальную разновидность либерализма, «либерализма с бомбой», как язвительно называют это троцкисты. Это утверждение хорошо сочетает два ложных представления об анархистах — во-первых, что они не заинтересованы в классовой политике, и, во-вторых, что главная форма борьбы анархистов — это терроризм. Оставив в сторону троцкистское невежество относительно анархизма, мы можем принять это определение как резюме всего неклассового анархизма.

Анархизм без классовой борьбы лишен и внятного анализа и практической силы. И действительно, когда анархизм отходил от классовой борьбы, он обращался в нигилизм и терроризм. Примером тому была пресловутая «пропаганда действием» — практика и теория, результатом которой стал лишь образ анархиста как бородатого бомбиста, если не считать снижения общей продолжительности жизни европейских монархов в конце XIX века. Однако, стоит отметить, что «пропаганда действием» не отвергала классовую борьбу, но скорее пыталась действовать как ее катализатор; она была следствием поражения рабочего класса и его организаций в ходе жестокого подавления Парижской Коммуны и отсутствия альтернативных путей развития. К тому же, многие защитники «пропаганды действием» и сами понимали ограниченность такого рода стратегии.

«Другие считали, что они стремятся защитить рабочих от государства, деморализовать правящий класс и привнести революционное сознание в умы рабочих. Они не считали, что акции смогут сами по себе свергнуть капитализм или государство — убить тирана ещё не значит уничтожить тиранию. Но, как отмечал Александр Беркман, «террор рассматривался как способ мести за повсеместную несправедливость, способ нагнетания ужаса у врага и привлечения внимания к пороку, против которого направлялся акт террора».¹

В современных условиях этот отход от прямого участия в классовой борьбе можно наблюдать в виде куда менее опасной и вразумительной политике образа жизни многих так называемых «анархистов», чей «анархизм» определяется в первую очередь через контркультуру и недоверие к любым организациям. Они верят, что перемены исходят из индивидуального выбора стиля жизни, а потому они советуют людям «уйти» от капитализма, «устраниться», говоря языком хиппи. Агитируя за устранение и концентрацию на индивидуальном выборе иного образа жизни, это движение впадает в морализм и элитаризм и отказывается от необходимости глубоких изменений в самом обществе.

¹ Peter Marshall, Demanding the impossible www.ditext.com

Мюррей Букчин в своей брошюре «Социальный анархизм или повседневный анархизм: непреодолимая пропасть» резко критикует подобный анархизм образа жизни как проявление раздутого индивидуализма и нарциссизма, которым пропитан весь культурный ландшафт современности. Организацию на рабочем месте и на районе анархизм повседневности обменял на самоутешающую психологию, прикрывающуюся бунтарской лексикой и эгоизмом. В этом «Эго» заключен дух философии образа жизни — *laissez faire* индивидуализма, приукрашенного путаной постмодернистской/ню-эйдж/псевдо-фукоистской риторикой.

«Их идеология корнями уходит в либерализм, основанный на мифе об абсолютно независимом индивиде, чьи требования суверенитета обосновываются аксиоматическими «естественными правами», «собственным достоинством» или, для более утонченных, «интуитивным кантианским трансцендентальным эго», являющимся первообразной для всей познаваемой действительности».²

Если в Испании в 36ом году анархисты призывали к всеобщему вооружению рабочего класса и рабочему контролю, сегодняшние анархисты образа жизни призывают к вооружению желаний и «устранению» от капитализма и мэйнстримного общества — к требованиям и стратегиям, если не объективно реакционным, то явно бессмысленным. Не удивительно, что такой поверхностный подход легко поддается товаризации. Современный капитализм хорошо приновился к торговле этим пустым бунтом, от культуры хиппи до говнопанка. Недовольство и бунт молодежи превратились в обряд инициации, который мстит дорогу к настоящему миру и его правилам.

Хотя работа Букчина имеет целью показать корни лайфстайл-политики, это не значит, что мы полностью отказываемся от культурного и личностного измерения борьбы; наоборот, эти измерения всегда присутствуют в любой общественной борьбе. Но из-за отсутствия или прямого противостояния широкому общественному движению, эти измерения становятся все более атомизированы и ассимилируются в «гибкую и креативную культурную среду, способную справляться с противоречиями, делая их 'бессмысленными, но восхитительно безопасными».³

Подобные процессы особенно заметны в феминистских и ЛГБТ-движениях, которые отошли от вопросов социальной справедливости к чистой политике идентичности, в которой успех измеряется в товарообороте «гей-рынка», количестве звезд-геев, женщинах в советах директоров и признании капитализмом женских и ЛГБТ-проблем. Так Маргарет Тэтчер и Spice Girls становятся иконами феминисток, хотя они не могут ничего дать своим «сестрам», кроме

² M. Bookchin. Social Anarchism or Lifestyle Anarchism — An Unbridgeable Chasm libcom.org

³ Sean Sheehan. «Anarchism» p.143

имитации мужской соревновательности или этого унижительного «мы можем делать это не хуже тебя». Как все это может помочь матери-одиночке, живущей на пособиях, — не совсем понятно . . . А тем временем компании типа Coca-Cola и GAP, известные своим острым чувством социальной справедливости, спонсируют гей-парады.

Таким образом, анархизм может сохранить адекватность только внутри классовой борьбы. Следовательно, чтобы составить подлинную картину философии анархизма, мы должны рассмотреть его в контексте этой борьбы. Анархизм, пожалуй, не первая философия, которая приходит на ум, когда мы говорим о классовой борьбе, этой премии скорее будет удостоен марксизм, который на сцене сможет что-то пробормотать сквозь слезы о СССР и поблагодарить исполнителя главной роли В.И. Ленина за сдерживание его подлинного потенциала все эти годы. Но оставим наш дурной оскарopodobный юмор; любая попытка рассмотреть классы и классовую борьбу с середины XIX века без ссылки на марксизм будет бессмысленным занятием. Это не значит, что влияние марксизма на борьбу рабочего класса за самоосвобождение всегда было позитивным, но то, что он сыграл важнейшую роль в развитии этой борьбы, оспорить вряд ли возможно. Поэтому, чтобы понять эволюцию анархизма, мы должны изучить его отношение к марксизму, отношение не только теоретическое, но и историческое.

Прудон, Бакунин и Маркс

Развитие философии анархизма началось в XIX веке. Как известно, первым философом анархизма был Прудон — первый экономист, отвергший неприкосновенность частной собственности, на вопрос «Что такое собственность?» ответив «Собственность — кража!» Вклад Прудона в политическую экономию часто упускается из виду, так как он был преодолен Марксом, однако, его влияние на молодого Маркса было велико, хоть тот и подверг Прудона уничижительной критике в своей «Нищете философии» (название — аллюзия на «Философию нищеты» Прудона).

«К несчастью г-на Прудона его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там он славится за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признаётся право быть плохим философом, потому что там он славится за одного из сильнейших французских экономистов. Принадлежа одновременно к числу и немцев и экономистов, мы намерены протестовать против этой двойной ошибки.»⁴

⁴ К. Маркс. «Нищета Философии» www.esperanto.mv.ru

Тем не менее, такая грубая критика идет вразрез с более ранними комментариями Маркса:

«Прудон же подвергает основу политической экономии, частную собственность, критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершённый им, — прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии. Произведение Прудона «Что такое собственность?» имеет такое же значение для новейшей политической экономии, как произведение Сиейеса «Что такое третье сословие?» для новейшей политики». ⁵

Отчасти это перемена в отношении Маркса к ценности трудов Прудона объясняется охлаждением в личных отношениях между ними. Маркс пригласил Прудона в свою интернациональную коммунистическую группу незадолго до выхода в свет «Философии нищеты», но Прудон отказался от приглашения, назвав Маркса доктринером, а его коммунизм — авторитарным. Хотя расхождения личного плана и сыграли важную роль в конфликте Маркса и Прудона, между ними были и существенные политические и философские разногласия. Прудон по праву считается «отцом анархизма», а Маркс — отцом «марксизма», но часто получалось так, что Маркс занимал традиционно анархистскую позицию, а Прудон — марксистскую.

«Маркс продолжил нападки на Прудона, выступавшего за межклассовое сотрудничество и осуждение профсоюзной и парламентской деятельности». ⁶ Внутренняя противоречивость позиций обоих становится особенно разительной, если вспомнить, что Маркс в своей самой известной работе «Манифест коммунистической партии» недвусмысленно заявлял о своей поддержке парламентской деятельности и межклассового сотрудничества. Прудон, в свою очередь, был против забастовок за увеличение зарплаты, утверждая, что увеличение зарплат повлечет за собой общее повышение уровня цен.

«Таким образом, не считая некоторых колебаний, общее повышение заработной платы повело бы не к всеобщему повышению цен, как утверждает г-н Прудон, а к частичному их понижению, т. е. к понижению рыночной цены товаров, изготавливаемых преимущественно при помощи машин». ⁷

Маркс понимал, что каждая забастовка за повышение зарплаты закладывает основы для развития классового сознания. В этой проницательности

⁵ Маркс и Энгельс. «Святое Семейство» lugovoy-k.narod.ru

⁶ Peter Marshall, Demanding the impossible

⁷ К. Маркс. «Нищета Философии» www.esperanto.mv.ru

Маркс выходит за пределы бездушной механической политической экономики, разделяющей экономическое, политическое и социальное на отдельные обособленные категории. Маркс обрисовывает развитие органов сопротивления рабочего класса и их политическую эволюцию.

«Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлась лишь охрана заработной платы, то потом, по мере того как идея обуздания рабочих в свою очередь объединяет капиталистов, коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединённого капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер.»⁸

Марксов анализ того, как борьба за зарплату приобретает политический характер, здесь очень близок к синдикализму и определенно куда более анархичен, чем позиция Прудона.

Однако, в одном важном вопросе Маркс поставил себя вне анархической тенденции — он верил в то, что государство может быть захвачено и использовано в целях рабочего класса. Тем не менее, в работах Маркса отношение к государству отнюдь не однозначно и меняется от анархического, изложенного в основном в его ранних работах, до крайне механического и этатистского; характерный пример такого отношения есть в «Манифесте»:

«Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».⁹

⁸ Там же

⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии www.esperanto.mv.ru

И как контрастируют этому следующие высказывания в «Критических заметках к статье “Король прусский и социальная реформа”»:

«Государство, никогда не усмотрит в «государстве и в устройстве общества» причины социальных недугов. Там, где существуют политические партии, каждая партия видит корень всякого зла в том, что вместо неё у кормила правления стоит другая, враждебная ей партия. Даже радикальные и революционные политические деятели ищут корень зла не в сущности государства, а в данной определённой государственной форме, которую они хотят заменить другой государственной формой».¹⁰

«Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом. Античное государство и античное рабство — эти неприкрытые классические противоположности — были прикованы друг к другу не в большей степени, чем современное государство и современный торгашеский мир, эти лицемерно-прикрашенные христианские противоположности».¹¹

Или эти заключительные слова «Нищеты Философии»:

«Значит ли это, что после падения старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет.

Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно так же, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий».¹²

Вопрос государства стал во главу угла в споре с другим известным анархистом и привел в конечном счете к расколу в I Интернационале и окончательно расхождению марксизма и анархизма. Если с идеалистической философией и социальным консерватизмом Прудона Марксу было довольно легко совладать, то Михаил Бакунин был куда более серьезным соперником. На Бакунина, как и на Маркса, оказал серьезное влияние атеизм Фейербаха, и философски Бакунин был куда ближе к Марксу, чем к Прудону. Он перенял у Маркса исторический материализм и отверг прудоновский идеализм. Влияние Фейербаха отлично прослеживается у обоих в их отношении к религии.

«Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа.»¹³

¹⁰ К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король Прусский и социальная реформа» lugovoy-k.narod.ru

¹¹ Там же

¹² К. Маркс. «Нищета Философии» www.esperanto.mv.ru

¹³ К. Маркс. Введение к «критике гегелевской философии права» lugovoy-k.narod.ru/15.htm

Этот дух Маркса прослеживается и в высказываниях Бакунина о религиозных верованиях:

«Не столько мистические склонности, сколько глубокое не-довольство сердца вызывает у них эту aberrацию ума — это инстинктивный и страстный протест человеческого существа против узости, плоскости, страданий и стыда жалкого существования».¹⁴

Бакунин, как и Маркс, доказывает, что даже ложные идеи имеют своими корнями действительные материальные условия. Такой взгляд противоречит идеализму Прудона, который видел несправедливость и неравенство как следствие помутнения рассудка. Бакунин также отверг статичный и механистический взгляд Прудона на человеческую природу в пользу диалектического и социального взгляда Маркса. Критикуя индивидуалистическую философию, Бакунин рассматривает известный лозунг Руссо «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах», утверждая, что «вне общества человек не будет не просто свободным, он вообще не станет настоящим человеком».

Хотя Бакунин в целом и разделял философию Маркса, в политической сфере он часто вступал с Марксом в противоречие. В плане организации, Бакунин, как и Прудон, выступал за федерализм в противовес Марксовому централизму. Вместо централизованной командной экономики Маркса и прудоновской смеси рынка и самоуправления, Бакунин видел будущее общество, как «организованное снизу вверх, путем свободной ассоциации и федерации рабочих, изначально в ассоциациях, затем в общинах, регионах, нациях, и, наконец, в большой интернациональной и универсальной федерации».

В своем видении будущего общества Бакунин проложил дорогу революционному и анархо-синдикализму, и анархо-синдикализм был сильнее как раз в тех странах, где влияние Бакунина было наибольшим: в Испании, Италии и Франции. Если Парижская Коммуна только укрепила в Бакунине его федералистские и анти-государственные убеждения, то марксистские круги она побудила к переосмыслению прошлых идей. Механистическая модель захвата рабочим классом государственного аппарата, изложенная в «Манифесте», была полностью отвергнута парижскими событиями, и Маркс был вынужден пересмотреть свои прошлые взгляды на «рабочее государство».

Эта смена позиции нашла свое отражение в наиболее либертарном произведении Маркса «Гражданская война во Франции», которая была написана сразу после жестокого подавления Парижской Коммуны. Главная идея этой статьи — это то, что рабочий класс должен уничтожить государственный аппарат и заменить его собственными формами организации.

«Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной

¹⁴ М. Бакунин. «Бог и государство» www.avtonom.org

машиной и пустить её в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с её вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судебским сословием, — построена по принципу систематического и иерархического разделения труда.»¹⁵

Маркс также приложил немало усилий, чтобы доказать, что Коммуна была не просто попыткой воскресить децентрализованный характер средних классов, уничтоженных революцией 1789 года, но шагом вперед к созданию нового общества, которое свергнет классовое господство.

«Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была рассматривается как воскрешение средневековой коммуны, предшествовавшей возникновению этой государственной власти и затем составившей основу её. — Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств, о чём мечтали Монтескье и жирондисты».¹⁶

Хотя ясно видно, что Маркс существенно поменял свое отношение к государству, приблизившись к идеям, изложенным в его ранних работах, насколько он действительно верил в то, что он пишет, а что из этого было лишь временной попыткой оседлать движение народной поддержки Коммуны, это во многом спорный вопрос.

«Картина вооруженного восстания Коммуны была так впечатляюща, что даже марксисты, чьи идеи парижская революция полностью опровергла, вынуждены были преклониться перед действиями Коммуны. Они пошли дальше этого; в обход всех своей логики и своих убеждений, они ассоциировали себя с Коммуной и отождествляли себя с ее принципами и устремлениями. Это забавная карнавальная игра, но она была необходима. Таково было воодушевление, пробужденное Революцией, от которой бы они неизбежно бы отреклись, если бы попытались укрепиться в башне из слоновой кости своей догмы».¹⁷

Многие анархисты также видят исторические параллели с самой либертарной работой Ленина «Государство и Революция», в которой Ленин изменил свое прошлое негативное отношение к советам на противоположное, дабы сохранить большевизм адекватным рабочему и крестьянскому движению, и

¹⁵ К. Маркс. Гражданская война во Франции www.esperanto.mv.ru

¹⁶ Там же

¹⁷ Цитируется по Marx and Anarchism by Rudolf Rocker flag.blackened.net

принял на вооружение анархический лозунг «Вся власть советам!». Как отмечает Габриэль Кон-Бендит в книге «Ветхий Коммунизм; Левая альтернатива», изначально Ленин был настроен однозначно против советов и в 1907ом на 5ом Конгрессе РСДРП предложил и продвинул резолюцию, осуждающую «независимые рабочие организации и анархо-синдикалистские тенденции в пролетарской среде», утверждая, что «участие социал-демократических организаций в советах делегатов и рабочих депутатов, не признающих партию . . . или создание таких советов не допустимо, покуда мы не будем уверены, что это выгодно для партии и ее интересы полностью соблюдены»¹⁸

Разумеется, было бы слишком грубо мерить Маркса тем же мерилom, что и Ленина, в конце концов, Маркс не вырывал власть у Коммуны и не разглагольствовал, что он смог усмирить ее. Несмотря на все ошибки и противоречия Маркса, он решительно отстаивал позицию «Освобождение рабочего класса — дело рук самого рабочего класса» и постоянно твердил «Я не марксист!». Фактически, взгляды на государство, изложенные в «Гражданской войне во Франции», были возвращением к его прошлым работам типа «К еврейскому вопросу», в которых он утверждал, что государство — это форма отчуждения, вырастающая из разделения личного и общественного.

Бакунин продвинулся относительно Маркса не только в плане критики государства, он также развивал критику науки и рациональности задолго до Фуко и постмодернизма, но при этом его критика никогда не опускалась до прославления иррационального. Бакунин, как и Маркс, сильно отпил от фонтана Просвещения и стремился воскресить и развить его, а не сокрушить.

«Бакунин не просто отрицает науку и рациональное, он обеспокоен авторитарными угрозами, исходящими от научной элиты. Вместо науки как прерогативы привилегированного меньшинства, он хотел, чтобы она принадлежала всем людям, так чтобы она представляла «коллективное сознание» общества».¹⁹

В эпоху, когда вера в научный рационализм достигала своего апогея, как лучше всего видно на примере утилитаризма, подобные убеждения требовали особой пронизательности, и приобрели особую актуальность в свете событий XX века, когда «научный» рационализм использовался для оправдания чудовищных злодеяний: от расового угнетения до откровенного геноцида. Бакунин также говорил об угрозе бюрократии и его слова стали почти пророческими в связи с тем, что произошло с Советским Союзом.

«Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невеже-

¹⁸ Цитируется по *Obsolete communism: the left-wing alternative* by Daniel Cohn-Bendit and Gabriel Cohn-Bendit p. 193

¹⁹ прямой перевод с текста автора

ственный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашественную под непосредственную команду государственных инженеров, которые составят новое привилегированное науко-политическое сословие».²⁰

Отношения между Бакуниным, Прудоном и Марксом слишком сложны и противоречивы, чтобы подвести их к простому противостоянию анархизма и марксизма, так как все трое часто занимали противоречащие самим себе позиции. Хотя Бакунина можно рассматривать как наиболее состоятельного в своих аргументах, он также был не во всем последователен, учитывая его известные пристрастия к секретным и заговорщицким группам, которые по самой своей сути склоняются к авторитарным организационным моделям. Также многие свои прозрения Бакунин смог сделать, только опираясь на плечи Маркса. Хотя федералистские и антигосударственные идеи Прудона ставят его в анархистский лагерь, его сексизм, расизм и путанные экономические взгляды никак не совместимы с анархистской традицией. Даниэль Кон-Бендит дает простую, но во многом верную оценку отношений между тремя:

«История «левой» есть, на самом деле, история всего подлинно революционного в движении рабочего класса. Маркс был левее Прудона, а Бакунин был левее Маркса».²¹

Марксизм-ленинизм и фальсификация Маркса

Как мы указали выше, анархизм и марксизм развивались рука об руку с середины XIX века и сторонники Бакунина и Маркса разделяли общую платформу в Первом Интернационале до раскола в 1872 на Гаагском Конгрессе, в ходе которого из Интернационала был исключен Бакунин, а штаб-квартира была перемещена в Нью-Йорк, что практически лишало анархистских делегатов всякого влияния в организации. Раскол привел к увеличению поляризации между анархистским и марксистским течениями в рабочем движении, который перерос в непримиримую вражду с появлением ленинизма.

Русская революция и ее трагический исход оказали огромное влияние на философию анархизма и марксизма. На первый взгляд, русская революция доказала силу марксизма и неспособность анархистов как-то серьезно влиять на классовую борьбу. Однако анархистов русская революция утвердила в их отрицании захвата государственной власти. Предсказания Бакунина о новом

²⁰ М. Бакунин. Государственность и анархия

²¹ Obsolete communism: the left-wing alternative by Daniel Cohn-Bendit and Gabriel Cohn-Bendit p. 18

технократическом правящем классе оказались до ужаса правдивы, однако уроки русской революции были отнюдь не во всем негативными. Рабочие, солдатские и крестьянские советы были настоящими, действующими демократическими органами, рабочий класс показал, что он может захватить средства производства и создавать новое общество. Рабочий класс также доказал себе, что он может быть куда более революционным, чем любой авангард и центральный комитет, так что даже Троцкий был вынужден признать это: «Массы оказались на повороте «раз в сто» левее крайней левой партии».²²

Большевики, прикрываясь анархической риторикой, заявляли о своей поддержке лозунга «Вся власть советам!» и затем бахвалились тем, что сумели обуздать движение. В своем устремлении удержать власть любой ценой большевизм не скупился на грубейшую фальсификацию идей Маркса. Марксова «диктатура пролетариата» (конечно, спорный термин) стала диктатурой над пролетариатом, оправдываемой сомнительным прочтением исторического материализма Маркса.

Большевизм и его последователи из Третьего Интернационала стали превращать необъятное и часто противоречивое наследие Маркса в священный катехизис. Этот «ортодоксальный» марксизм из Марксова критического анализа капитализма создал мутантную тотальную систему «понимания» мира.

Большевики были во многом ответственны за создание детерминистского, бездушного и авторитарного марксизма, который закрыл от посторонних глаз действительную теоретическую ценность Маркса. Маркс был призван оправдывать каждый чих и вздох Коммунистической Партии и Коминтерна. Жестокое обращение с рабочим классом Советской России называлось «военным коммунизмом» и оправдывалось необходимостью развития «производительных сил», которые для большевиков были тем, что определяет общественные отношения. Согласно этому избирательному прочтению Марксова исторического материализма, коммунизм — это не продукт самостоятельной борьбы рабочего класса против отчуждения, наемного труда и государства, но скорее способ резкого увеличения производительных сил. Маркс, конечно, не имеет никакого отношения к этому бреду, выставляющему неживые предметы настоящей движущей силой человеческой истории.

Однако, параллельно «ортодоксальному» марксизму всегда существовала также другая традиция марксизма — левый коммунизм, или коммунизм советов, — традиция, которая сохранила критическую и открытую природу идей Маркса, но не для чисто академических целей, а для продвижения борьбы рабочего класса за самоосвобождение.

²² Л. Троцкий. История Русской Революции т.1 www.i-u.ru

Другой марксизм

Роза Люксембург была, пожалуй, самым известным таким марксистом. Она отрицала поддержку социалистами национально-освободительных движений, на том основании, что они усиливают национализм и затормаживают развитие классового анализа и интернационализма. Таким образом, она отвергала межклассовое сотрудничество и заново утверждала, что «пролетарии не имеют отечества».

Люксембург также считала, что социализм будет создан «действием масс», а не декретами политической партии.

«Наконец, мы видим появление на свет и более «законного» дитя истории — русского рабочего движения. Впервые, основы для формирования подлинной «народной воли» заложены в русской почве.

Но вот снова это «эго» русской революции! Совершая пируэты на голове, она опять выставляет себя всемогущим повелителем истории — теперь под именем Его Превосходительства Центрального Комитета Социал-Демократической Партии России.

Этот ловкий акробат не способен понять, что единственный «субъект», который сегодня достоин роли повелителя — это коллективное «эго» рабочего класса. Рабочий класс заслуживает право самому совершать свои ошибки и учиться диалектике истории.

Скажем прямо. Исторически, ошибки, совершенные действительным революционным движением бесконечно более полезны, чем непогрешимость самого умного Центрального Комитета». ²³

Она также язвила по поводу автократического и недемократичного пути, по которому большевики хотели осуществить революцию.

«Найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений». ²⁴

Хотя Роза Люксембург и самая известная антиленинистская марксистка, и ее критика ограниченности политического авангарда и опасности заражения классовой борьбы националистической заразой имеет огромную ценность и важность, она не довела свою критику до полноценной альтернативы.

²³ Rosa Luxemburg. Organizational Questions of the Russian Social Democracy www.marxists.org

²⁴ Роза Люксембург. Рукопись о русской революции revsoc.org

Коммунизм советов и анархо-синдикализм стали теми движениями, который претворили в действие идеи Люксембург. Они полностью отвергли роль революционной партии в пользу структур, основанных на непосредственном опыте рабочих, участвующих в классовой борьбе. Организуясь на рабочем месте и на районе, эти движения стремились радикализировать рабочий класс через развитие его собственной борьбы, а не через пассивное следование партийной линии. Органами сопротивления должны были быть местные синдикаты или советы, в которых рабочие принимают свои решения непосредственно, избегая бюрократии.

«Он [синдикат] имеет двойную цель: 1. Как организация рабочих, сражающихся против работодателей, продвигать требования рабочих об улучшении уровня жизни и безопасности; 2. Как школа интеллектуальной тренировки рабочих и подготовки их к техническому управлению производством и экономической жизни в целом, так чтобы во время революционной ситуации они были способны взять социально-экономический организм в свои руки и переделать его в соответствии с социалистическими принципами».²⁵

Коммунизм советов и анархо-синдикализм максимально близко подошли к примирению марксизма с анархизмом в практической борьбе, хоть и пришли из разных теоретических истоков.

«Анархо-синдикалисты и коммунисты советов были в то время почти неразличимы. На практике они очень близко сотрудничали; если вы посмотрите на тексты об испанской (анархистской) революции, то отношение коммунистов к ней было не менее позитивным, чем у анархо-синдикалистов».²⁶

Хотя и коммунизм советов и анархо-синдикализм как массовые движения были разбиты войной и фашизмом, они остаются богатейшими течениями в марксизме и анархизме в плане практики и теории.

«Современная форма капитализма с ее современными технологиями, высокой производительностью и системами коммуникаций, предоставляет материальную основу для установления коммунизма, основанного на системе рабочих советов. Идея совета — это не артефакт прошлого, но наиболее реалистичная возможность установления социалистического общества. Ничего из того, что произошло за последние десятилетия не отняло у нее ее осуществимость; наоборот, не утопический характер рабочих

²⁵ R. Rocker. Anarchosyndicalism www.spunk.org

²⁶ прямой перевод с текста автора

советов только укрепился, равно как и возможность появления истинно коммунистического общества».²⁷

Будущее

Хотя анархизм и марксизм всегда находились в трудных отношениях, они также всегда оказывали колоссальное влияние друг на друга: с первых лет Первого Интернационала, через трагедию русской революции, к фарсу коммунистических партий и их идеологической гимнастики в службу советской внешней политики. Однако для многих анархистов отрицание официальной марксистской догмы стало отрицанием Маркса как такового и даже самой концепции классового подхода. Анархизм может и приобрел бонус в ходе развала советских режимов и так называемого «конца истории», но подобная поддержка может стать поцелуем смерти для анархизма, если он также откажется и от классовой борьбы. Сегодня, спустя годы после распада Советского Союза, классовая борьба снова на повестке дня, так как Новый Мировой Порядок не смог привнести ничего нового, кроме старого милитаризма, мировых кризисов и отчаяния для подавляющего большинства людей планеты. Выбор для анархизма ясен: либо продолжить существование в качестве модного образа жизни и псевдо-постмодернистской философии, либо полностью вернуться к классовым истокам и развить настоящую контркультуру, основанную на общественной оппозиции капитализму, а не «устранении».

С крахом Советского Союза открываются большие возможности для переосмысления классовой борьбы и, в особенности, сочинений Маркса. Антикапиталистическое движение показало, что история не закончилась, и глобализация распространяет не только неолиберальные экономические модели, но и сопротивление им и новые формы организации. Глобальная природа капитализма очевидна как никогда; все предпосылки к новому автономному рабочему сопротивлению, к созданию нового Интернационала созрели. Старые национальные профсоюзы показали свою неэффективность не только в плане сопротивления локальному капиталу, но и в способности справиться с нарастающей глобализацией рынка, что видно на примере их несостоятельной оппозиции перемещению рабочих мест на более дешевые рынки труда.

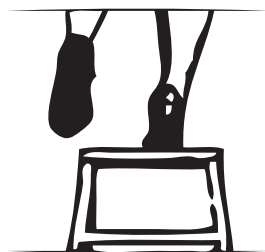
Это вакуум должен быть обязательно заполнен новыми формами борьбы. Анархизм и марксизм, в форме анархо-синдикализма и коммунизма советов, могут много предложить этой борьбе — но не как заключительные формулировки, а в качестве захватывающего вступления. В XXI веке пролетариату все также остается «нечего терять, кроме своих цепей».

²⁷ Paul Mattick interview with J.J. Lebel www.marxists.org

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Revol

Анархизм, марксизм и классовая борьба

2004

Опубликовано в «Максималесте» #3

Сохранено 3 февраля 2012г. из revsoc.org